

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 398.21(470)+929 Богатырев

П. Г. БОГАТЫРЕВ – СОБИРАТЕЛЬ СКАЗОК (экспедиции 1914–1915 годов)

Е. А. Самоделова

Институт мировой литературы имени А. М. Горького РАН, Москва
E-mail: helsa@rambler.ru

Выявлены четыре экспедиционных периода в собирании сказок П. Г. Богатыревым (в Московской, Саратовской, Архангельской губ., в Подкарпатской Руси и в Карпатах); история первого из них прослежена на основе архивных материалов (экспедиционные записи, протоколы Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Императорском Московском университете, отзывы фольклористов) и публикаций Богатырева и других ученых.

Ключевые слова: П. Г. Богатырев, Р. О. Якобсон, Ю. М. Соколов, полевые записи сказок, Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Императорском Московском университете.

P. G. Bogatyrev – a Fairy-tale Collector (the Expedition of 1914–1915)

Е. А. Samodelova

Four expedition periods have been identified in the process of P. G. Bogatyrev collecting fairy-tales (in Moscow, Saratov, Arkhangelsk regions, in the Carpathian Rus' and in the Carpathians). The history of the first one is traced on the basis of the archive materials (expedition records, minutes of the Society of Natural Science, Anthropology, and Ethnography at the Imperial Moscow University, folklore specialists' reviews) and the publications of P. G. Bogatyrev and other scientists.

Key words: P. G. Bogatyrev, R. O. Jakobson, Yu. M. Sokolov, field records of the fairy-tales, Society of Natural Science, Anthropology, and Ethnography of the Imperial Moscow University.

DOI: 10.18500/1817-7115-2016-16-2-156-160

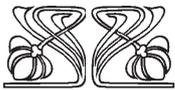
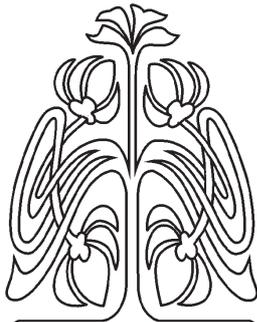
В научной судьбе известного слависта П. Г. Богатырева (1893–1971) можно выделить 4 экспедиционных периода в собирании сказок:

- 1) 1914–1915 гг. – в Московской губернии (Серпуховской и Вере́йский уезды);
- 2) 1915, 1917 и 1919 гг. – в Саратовской губернии (пока предположительно);
- 3) 1916 г. – в Архангельской губернии (Шенкурский уезд);
- 4) с 1923 г. по 1930-е гг. – в Подкарпатской Руси и в Карпатах.

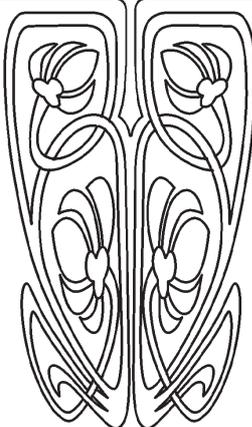
Далее последовал период теоретического осмысления жанровой сущности сказки; размышления о сказочных произведениях проходят лейтмотивом через всю научную деятельность ученого.

В деятельности П. Г. Богатырева как сказковеда можно выделить несколько основных тем: 1) собирание сказок в полевых экспедициях; 2) выступления на заседаниях Комиссии по народной словесности Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Императорском Московском университете (ОЛЕАЭ) и на заседаниях Московского Лингвистического кружка; 3) исследования (в том числе написанные совместно с Р. О. Якобсоном), в которых затрагиваются сказки.

В РГАЛИ в фонде 1547 «Фольклорные материалы, присланные в адрес Государственной академии материальной культуры» хранятся три «Рабочие тетради по фольклору»¹. Очевидно, на том основании, что на л. 1а имеется надпись «Василий Степанович Евлахов», тетради отнесены архивариусом к этому лицу. Вероятно, это преподаватель

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Варшавского университета, судя по путевым заметкам Ю. М. Соколова «Поездка в Рязань – Рязжск – Саратов» от VIII-1920 г.²

Между тем на внутренней стороне обложки 1-й тетради (л. 34а) есть владельческая (авторская) подпись П. Богатырев и криптоним «П. Б.». В тетради имеется еще ряд подписей П. Г. Богатырева. Во 2-й тетради (л. 56 об.) обведена в рамку дата «1914»; ее косвенно подтверждает подпись «В споре о войне» в 1-й тетради, начертанная к карандашному поясному портрету человека в профиль, с поднятым кулаком (л. 1 об.), а также рисунок солдата (л. 34а). Географическая привязка текстов наличествует в 1-й тетради в заглавии «Свадьба в Бавыкине» (л. 18).

Далее черными чернилами написаны конспекты лекций по фольклору и упоминания трудов известных фольклористов и – шире – филологов А. В. Маркова, М. Н. Сперанского, А. Н. Пыпина.

Зафиксированные собирателем фольклорные произведения в жанровом отношении представляют собой сказки, былички, поверья, песни, частушки, заговоры, этнографическое описание свадьбы и др. Последовательность записей отражает естественный ход беседы-опроса с информантами: так ведутся полевые дневники. Текстологический анализ содержимого трех тетрадей в сопоставлении с данными протоколов ОЛЕАЭ за 1914 г., а также сличение почерка с атрибутированными рукописями П. Г. Богатырева из фольклорного архива Гослитмузея позволяют установить факт создания архивного документа известным славистом – тогда еще студентом Императорского Московского университета.

Это был один из первых серьезных опытов ведения полевых записей студентом-третьекурсником П. Г. Богатыревым, который совершил разведочную экспедицию за народной словесностью на Пасхальной неделе (Светлая седмица в 1914 г. пришла на 6–12 апреля).

Он увидел огромное фольклорное богатство с. Бавыкино Серпуховского у. Московской губ., успел записать в упрощенной диалектной транскрипции лишь некоторую его часть и заручился обещанием крестьян прислать осенью новые тексты. Примененная собирателем транскрипция свидетельствует о варьировании диалектной орфоэпии, а также о неточностях записи начинающим полевиком-исследователем.

Это заметно на множестве примеров фонетического изменения словоформы в пределах сказочной речи даже одного исполнителя – и тем более разных жителей одного села: *гъварит, гъварить, ѱварит, ѱварить, гът* и др. Первоначальная (полевая) транскрипция немного отличается от повторной, проведенной уже в Москве. П. Г. Богатырев оставил «ъ» как обозначение 2-го предупредительного гласного, но перевел знак «ъ» в смягчающий апостроф «'» (он иногда встречался и в исходных записях), выверил правильность указания других звуков. При сличении черновой и белой записей

наблюдается вариативность транскрибирования П. Г. Богатыревым целого ряда примеров диалектного звучания: «Начуйти у миня, я за^в/_ф тра блиноф напику, тагд^а/_ы вас праважу»; «Ложитц^в/_а в сани, девочку качать заставляя»³. В некоторых случаях собиратель сначала записывал произведения близко к литературной орфографической норме, а при переписывании в беловую тетрадь уточнял диалектную фонетику по памяти. Однако бывало и наоборот: студент акцентировал локальные фонетические особенности, а потом отказывался от них как от особенно ярких, но не соблюдаемых рассказчиком (рассказчицей) в конкретном случае.

Оставаясь ученической, транскрипция все равно дает хотя бы приблизительную фонетическую картину диалекта с. Бавыкино Серпуховского у. начала XX в., демонстрирует принципы фиксации фольклорных произведений с учетом междисциплинарных подходов и показывает увлеченность будущего ученого славистикой (в том числе диалектологией и фольклористикой, особенно сказковедением).

Вскоре, в июне – первой половине августа 1914 г., нетерпеливый студент совершил еще один вояж в с. Бавыкино и снова записал множество сказок, а также произведений других жанров⁴.

П. Г. Богатырев дважды называл 2-й экспедиционный период в докладе: «Все это лето, т. е. месяца июнь, июль и половину августа я провел в селе Бавыкине Серпуховского уезда, где собирал народные произведения»; «Весь материал по народной словесности, помещенный здесь и состоящий из сказок, заговоров, загадок и песен, собран мною на Пасхальной неделе, а также в июне, июле и половине августа 1914 года в одном селе Бавыкине Серпуховского уезда Московской губернии»⁵.

В Государственном литературном музее (ГЛМ) в фонде П. Г. Богатырева 2 единицы хранения (13 тетрадей и отдельные двойные листы) отведены черновым записям и беловикам выборочных материалов экспедиций 1914–1915 гг.⁶

При сопоставлении двойных сказочных текстов, хранящихся в РГАЛИ и ГЛМ, видно, как при беловом переписывании сказок исчезли небольшие фрагменты, мало влияющие на смысл, но передающие нюансы народного мировоззрения и аромат подлинной крестьянской речи. Этот факт свидетельствует об авторской подготовке народных произведений для будущего сборника или хотя бы для сдачи материалов в архив, о сознательной автоцензуре.

Доказательством того, что записанные Богатыревым сказки (в числе прочих жанров) готовились к печати, служат двойные тексты одних и тех же произведений. Эти тексты (в том числе автографы) позволяют точно выверить записи сказочных произведений.

О предполагавшейся публикации свидетельствуют также маргиналии на полях и внутритекстовые пометы. Это проведенные синим

и зеленым карандашами вертикальные линии, зачеркивающие все тексты, кроме «Жил Строй со Страихаю...», «12 еичик», «Жил старик са старухай. Курачка еиц многа нанисла...», «Бабка». Сказка «Дудик» первоначально зачеркнута синим карандашом, но потом волнистой линией отменено зачеркивание и надписано слева: «надо».

Наиболее вероятно, эти зачеркивания принадлежат именно Богатыреву-собирателю (а не какому-либо другому составителю сказочного сборника) и демонстрируют последовательность предполагавшейся работы: 1) сначала произвести выборку наиболее интересных сказок из общего массива экспедиционных записей, в том числе из сказочных произведений; 2) потом переписать набело черновые тексты сказок для включения их в сборник. Следовательно, П. Г. Богатырев очень строго подходил к отбору сказок для печати.

Возможно, при тщательном сплошном просмотре рукописей и публикаций П. Г. Богатырева обнаружатся еще какие-либо сведения о собирательской деятельности ученого, касающейся сказок.

Вероятно, надеясь на плодотворную полевую работу как раз на Пасхальной неделе в 1914 г., Е. Н. Елеонская и П. Г. Богатырев отправились в разные уезды Московской губернии собирать фольклор, в том числе сказки. П. Г. Богатырев сообщил об исполнителе Ионе Егорове, 50 лет, из с. Бавыкино: «На Пасху он мне рассказал сказку-прибаутку неприличного характера...»⁷

Показательно, что фольклорист отметил приуроченность сказки к другому празднику – к свадьбе, что встречается исключительно редко, причем текст представляет собой отдельную жанровую разновидность (см. выше). Позже П. Г. Богатырев проинформировал членов ОЛЕАЭ о сказочнике Ионе Егорове, что «в Бавыкине славится сказками-прибаутками, которые рассказывает он на свадьбе», знает вышедший из обихода разговор дружки (очевидно, информант был вообще очень внимателен к свадьбе), и сообщил: «Записал от него сказку-прибаутку, которая говорится на свадьбах. Всю рассказать ее не хотел, говоря, что “очень безобразная”, “я прочту ее с выпусками неприличных мест”»⁸.

Основываясь на записях Богатырева и Е. Н. Елеонской, а также на личных экспедиционных наблюдениях⁹, сделаем вывод: рассказывание сказок издревле происходило при проведении инициационных обрядов (в дальнейшем переросших в свадьбу и др.) и на пограничье Старого и Нового года, который на Руси в различные исторические эпохи отмечался в разные сезоны. Сначала Новый год считался 1 марта от Сотворения мира (ср. упоминание в присказке календарно близкой Пасхи); с 1492 г. – с 1 сентября по тому же ветхозаветному стилю; с 1700 г. – с 1 января по новозаветному стилю (Е. Н. Елеонская указывает святочно-рождественский период сказок в с. Елкино Коломенского у.).

Сличение сказок с. Бавыкино Серпуховского у. с аналогами из классических сказочных сборников впервые провел П. Г. Богатырев в 1914 г. и порадовался полученному отрицательному результату: «На Пасху он [Ион Егоров] мне рассказал сказку-прибаутку неприличного характера... Летом рассказал еще 3 сказки: первая осмеивает плохих хозяек, вторая про портного, попавшего на небо, и третья про царя и солдата, отразившая новые веяния в народе. <...> Вариантов не нашел ко всем 4 сказкам ни у Афанасьева, ни у Ончукова»¹⁰.

16 мая 1914 г. состоялось заседание Комиссии по народной словесности под председательством В. А. Гордлевского. На нем прозвучал доклад П. Г. Богатырева о сказках и произведениях других жанров: «Затем П. Г. Богатырев сообщил результаты своих наблюдений в Серпуховском у. в селе Бавыкине. П. Г. Богатырев имел возможность ознакомиться с певцами и сказочниками этого селения, от которых им и были записаны сказки и песни, прибаутки и детские считалки [считалки]. Сказки, записанные П. Г. Богатыревым, представляют собою параллели ко многим сказкам, заключающимся в сборнике А. Н. Афанасьева, причем на них весьма заметен современный налет, выражающийся в различных подробностях. <...> По поводу сведений, сообщенных П. Г. Богатыревым, некоторые из членов Комиссии обменялись мнениями и председатель, поблагодарив докладчика, выразил ему пожелание дальнейшей плодотворной работы»¹¹.

16 октября 1914 г. состоялось очередное заседание Комиссии по народной словесности под председательством председателя Комиссии В. А. Гордлевского. На этом собрании стало известно о новой (повторной) экспедиции П. Г. Богатырева: «П. Г. Богатырев, собиравший произведения народной словесности в с. Бавыкине Серпуховского у., сделал сообщение о своих записях. Им был записан целый ряд песен, несколько заговоров и сказок. П. Г. сделал интересные наблюдения над сказочниками с. Бавыкина, из которых некоторые отличаются умением передавать сказки. <...> Сообщение П. Г. Богатырева возбудило обмен мнений среди присутствовавших; записи П. Г. будут им приведены в порядок и войдут в предполагаемый сборник Московской губ.»¹²

Богатырев в докладе в 1915 г. на заседании ОЛЕАЭ отмечал: «Я уже в прошлом году {в своем докладе} останавливался на местности и населении Бавыкина. Теперь только напомним, что мужское население в Бавыкине незначительно, т. к. все почти мужчины {живут в Москве, где} занимаются различными ремеслами, поэтому, естественно, большая часть моего матерьяла записана от женщин. Весь матерьял, собранный мною, состоит из песен хороводных, величальных, игровых, сатирических и частушек, затем сказок, загадок, заговоров и причитаний»¹³ (в фигурных скобках даны вставки Богатырева поверх написанного текста).

Заметим, что в разных письменных фиксациях П. Г. Богатырев относил июнь, июль и половину августа то к 1914, то к 1915 г. То ли эта путаница произошла в связи с многократным переписыванием тезисов доклада, основанных на экспедиционных заметках, то ли Богатырев действительно весь летний сезон проводил в с. Бавыкино или хотя бы наездами бывал там в 1914 и 1915 гг.

«Этнографическое обозрение» (1915, № 3–4) в разделе «Хроника. Отчет о деятельности Этнографического отдела ИОЛЕАиЭ и состоящих при Отделе Музыкально-этнографической комиссии и Комиссии по народной словесности за 1914–1915 академический год» упомянуло под 2-м пунктом один из докладов П. Г. Богатырева – под заглавием «Запись произведений народной словесности в с. Бавыкине, Серпуховского уезда»¹⁴, включив его в общую структуру сбора фольклора в Подмосковье.

В «Матерьялах для curriculum vitae П. Г. Богатырева» (ок. 1919 г.) сообщается: «В 1914 г. ездил в Серпуховской у. Московской губ. Собрал около 50 сказок, 20 песен, загадки, заговоры и т. д.»¹⁵ Там же в разделе «Труды, принятые к печати» под п. 5 значатся «Материалы по Серпуховскому у.»¹⁶

Однако вместо предполагаемого сборника экспедиционные материалы попали в архив Губернского совета депутатов (Губсовдепа), сопроvoжденные весьма положительным «Отзывом...» Ю. М. Соколова.

В «Отзыве о фольклорных материалах из Серпуховск<ого> уезда, доставленных П. Г. Богатыревым» 11 июля 1919 г. Ю. М. Соколов отметил сказковедческую (в том числе комментаторскую, сравнительно-текстологическую) работу собирателя: «Тетр. I с двумя очерками П. Г. Богатырева о собранном материале с характеристиками сказочников и певцов. П. Г. Богатыревым произведено и сравнение записанных им сказок с известными до сих пор (гл<авным> о<бразом> Афанасьевскими) текстами»¹⁷. Всего Ю. М. Соколов упомянул 13 тетрадей; нам известно в общей сложности 16 (хотя не хватает по крайней мере одной тетради). Сегодня во всех известных фольклорных материалах с. Бавыкино содержится 52 сказки с вариантами (один текст без начала) и несколько упоминаний сказочных сюжетов.

В Гослитмузее в неописанной части фольклорного архива в коробке под № 11 значатся подготовительные материалы для невышедшего сборника «Русские народные сказки в записях советского времени» (другое заглавие – «Русские народные сказки в новых записях»). Вступительную статью готовила С. И. Минц, «Вводную статью» к разделу «Бытовая сказка» писала студентка 4-го курса филфака Виктория Бондарь; из московских сказок предполагалось включить несколько текстов из коллекции П. Г. Богатырева и Петра Захарова (общее количество отобранных сказок из разных регионов России – 70).

И только в 1998 г. работа по публикации московских сказок (в том числе некоторых записей Богатырева) увенчалась успехом: в серии «Фольклорные сокровища Московской земли» вышел том 3 «Сказки и несказочная проза», подготовленный Институтом мировой литературы им. А. М. Горького РАН. Через десятилетия был частично реализован задуманный членами ОЛЕАЭ принцип: включить выборки московских сказок из архивных коллекций. Вместо расположения сказок по уездам была избрана последовательная нумерация сказочных сюжетов по персонажно-содержательному критерию.

В статье Е. А. Самоделовой «Сказки Московской земли (По данным государственных архивов г. Москвы)»¹⁸ в известной степени рассмотрена история собирания Богатыревым сказок в с. Бавыкино Серпуховского у.

К сожалению, не все собранные Богатыревым сказки (как и не все его полевые тетради, за исключением частично опубликованных материалов 1914 г.) известны сегодня ученым и любознательной публике.

О своих наблюдениях над активно бытующей сказочной традицией в Московской губ. в экспедициях 1914–1915 гг. Богатырев вспоминал в более поздней работе – «К вопросу об этнологической географии» (1928–1929): «Так, мы наблюдаем, что сказочная традиция, если она сильна, может сопротивляться книге даже в такой среде, которая в других сферах далеко отошла от своей старой культуры и могла бы, если рассуждать *a priori*, отойти от традиционных сказок, будучи вполне грамотной. Мне приходилось наблюдать в Московской губернии увлечение сказками людей хорошо грамотных, у которых, казалось, книга должна была бы вытеснить всякую любовь к устному народному рассказу»¹⁹.

Итак, в ходе рассмотрения начальной части первого экспедиционного периода в научной деятельности П. Г. Богатырева выявлено следующее: фольклорист совершал экспедиции в одиночку; центральное место в полевой работе уделял сказкам; записи производил в диалектной транскрипции; по результатам экспедиций сделал доклады в ОЛЕАЭ, вызвавшие заинтересованное обсуждение и рекомендации опубликовать материалы (осуществлено лишь частично). Предстоит точно атрибутировать и датировать сохранившиеся в ряде архивов полевые записи П. Г. Богатырева и затем опубликовать их.

Примечания

- 1 См.: Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1547. Ед. хр. 88. Л. 94–95.
- 2 См.: Государственный исторический музей. Отдел письменных источников (ОПИ ГИМ). Ф. 38. Ед. хр. 74. Л. 179.

- ³ РГАЛИ. Ф. 1547. Оп. 1. Ед. хр. 88. Л. 48 об., 49 ; Государственный литературный музей (ГЛМ). Ф. 392 (Фонд П. Г. Богатырева). Ед. хр. 90. Инв. № 392. Л. 68 об., 69.
- ⁴ См.: РГАЛИ. Ф. 1547. Оп. 1. Ед. хр. 88. Л. 85.
- ⁵ ГЛМ. Ф. 392. Ед. хр. 90. Л. 111, 117.
- ⁶ См.: ГЛМ. Ф. 392. Ед. хр. 90, 91. Первое указание: *Сорокина С.* Синхронно-функциональный метод исследования фольклорной традиции в трудах П. Г. Богатырева : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1994. С. 8–9.
- ⁷ ГЛМ. Ф. 392. Ед. хр. 90. Л. 116.
- ⁸ Там же. Л. 116, 7 об.
- ⁹ См.: *Самоделова Е.* Сказки и сказочники Центральной России в конце XX – начале XXI веков : Наблюдение-исследование // *Рязанский этнографический вестн.* Вып. 51 : в 2 т. / гл. ред. В. В. Коростылев. Рязань, 2013. Т. 2. С. 41–42.
- ¹⁰ ГЛМ. Ф. 392. Ед. хр. 90. Л. 116.
- ¹¹ ГЛМ. ФА. Инв. № 23/1. Ед. хр. 1 – Протоколы Комиссии по народной словесности при этнографическом отделе ОЛЕАЭ. 1911–1916. Л. 36–36 об. XXI. № 29.
- ¹² Там же. Л. 37 об.–38.
- ¹³ ГЛМ. Ф. 392. Ед. хр. 90. Л. 111.
- ¹⁴ См.: *Этнографическое обозрение.* 1915. № 3–4. С. 147–148.
- ¹⁵ Фольклорные темы на заседаниях Московского лингвистического кружка (вступ. ст. и подг. текста А. Л. Топоркова ; коммент. А. Л. Топоркова и А. А. Панченко) // *Неизвестные страницы русской фольклористики / отв. ред. А. Л. Топорков.* М., 2015. С. 138 ; *ИРЯ РАН. РО. Ф. 20.* Ед. хр. 16. Л. 403.
- ¹⁶ См.: *Фольклорные темы на заседаниях Московского лингвистического кружка.* С. 139.
- ¹⁷ ГЛМ. Ф. 392. Ед. хр. 92. Л. 4.
- ¹⁸ См.: *Самоделова Е.* Сказки Московской земли (По данным государственных архивов г. Москвы) // *Москва в русской и мировой литературе : сб.* М., 2000. С. 257–294.
- ¹⁹ *Богатырев П.* Магические действия, обряды и верования Закарпатья // *Богатырев П.* Народная культура славян. М., 2007. С. 284. (Сер. Семиотика.)

УДК 821.161.1.09-1

ФАНТАСТИЧЕСКОЕ В СОДЕРЖАНИИ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

С. С. Александров

Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: sereza-1988@mail.ru

В статье рассматривается проявление фантастического в «Слове о полку Игореве» на сюжетно-композиционном и образном уровнях текста.

Ключевые слова: «Слово о полку Игореве», фантастика, древнерусская литература, фольклор, вымысел, реальность.

The Fantastic in *The Tale of Igor's Campaign* Content

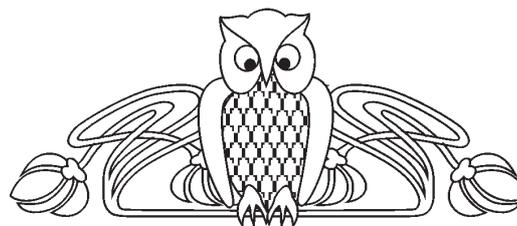
S. S. Aleksandrov

The article regards how the fantastic constituent is revealed on the plot, composition, and image levels of the text of *The Tale of Igor's Campaign*.

Key words: *The Tale of Igor's Campaign*, fantastic, Old Russian literature, folklore, fiction, reality.

DOI: 10.18500/1817-7115-2016-16-2-160-164

За более чем двухвековую историю изучения «Слова о полку Игореве» накоплена огромная научная литература. Порою даже кажется, что выдающееся произведение XII в. настолько всесторонне изучено, что и сказать о нём что-то новое весьма затруднительно. Однако, по словам Д. С. Лихачёва, «этот памятник вечно свеж», а значит, всегда можно найти угол зрения, под которым в послании из глубины веков высветятся

новые, подчас неожиданные смыслы, в частности, связанные с ролью фантастического в «Слове».

Д. С. Лихачёв предлагает рассматривать «Слово» в историко-литературном контексте. Результатом подобного рассмотрения является тезис: «“Слово о полку Игореве” не выходит за пределы художественных возможностей своего времени, но эти возможности оно использует в полной мере, до предела»¹. Однако если рассматривать это произведение с точки зрения художественного вымысла, оно всё-таки неординарно. Далее исследователь пишет: «Оно [«Слово»] создаёт обобщения, образы на основе разнообразного исторического материала, и в ограниченной мере, но всё же, пользуется *вымыслом*»² (курсив наш. – С. А.). Вымысел, в свою очередь, является одним из средств создания «фантастической реальности» в «Слове»: «...“Слово о полку Игореве” вводит фантастический элемент в характеристику действующих лиц своего повествования. Это по преимуществу относится к лицам, представляющим историческое прошлое Руси: к Бояну и Всеславу Полоцкому. Вымысел играет существенную роль в создании этих образов. При этом автор не выдаёт своего вымысла за действительность... Он чисто литературный, *условный*»³ (курсив наш. – С. А.). Эта особенность поэтики выделяет «Слово» из